

Татьяна Воронина

Екатерина Болтунова и Галина Егорова. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 397 с. ISBN 9785907171770.

Татьяна Воронина, Университет Цюриха. Адрес для переписки: University of Zurich, Rämistrasse 71, Zürich, 8006, Switzerland. tatiana.voronina@hist.uzh.ch.

Растущий в последние годы интерес к вопросам исторического наследия стал, на мой взгляд, реакцией на усиливающийся скептицизм социальных исследователей в отношении изучения истории памяти. Внимание к тому, как в разных странах защищали архитектурные сооружения, сохраняли, преумножали и классифицировали артефакты прошлого в национальных музеях и галереях, служит альтернативой исследованиям политик памяти. Материальные объекты – строения, произведения искусства и коллекции – кажутся куда более надежным источником мемориальной политики, чем речи легко меняющих свое мнение государственных и общественных деятелей, использующих прошлое для пропаганды своих взглядов. Нельзя сказать, что такой поворот в изучении памяти снял все претензии к практикующим этот метод историкам. Тем не менее благодаря смене фокуса даже скептики увидели, что внимание к коммеморации способно открывать новое знание, а не только прорабатывать национальные травмы или подталкивать элиты к манипулированию общественным сознанием. Как показывают авторы монографии «Территория и история: позднесоветские проекты “Города-герои” и “Золотое кольцо”», у исторической памяти существует важное прикладное значение: она способствует развитию туризма и влияет на статус территории в рамках государственных иерархий.

Вопросы сохранения исторического наследия в СССР и России не раз становились предметом анализа, однако концептуально развивающие эту тему работы были написаны относительно недавно. Сложностям комбинирования советского и дореволюционного наследия в советской культуре посвящено исследование Джулии Дешпер (Descherper 2019). О градостроительной политике и охране памятников Ленинграда/Петербурга писала в своей монографии Катриона Келли (Kelly 2016). Вопросы защиты памятников архитектуры в Новгороде, Пскове и Вологде и связи этих процессов с проектом русского национализма в 1960–1980-е годы рассматривала Виктория Донован (Donovan 2019). Сохранение памятников деревянного зодчества в позднесоветские годы изучал Алексей Голубев (Golubev 2021). Это далеко не полный список работ, в той или иной мере отсылающих к российско-советскому наследию и пытающимся его понять. Перечисленные исследования объединяет убежденность авторов в том, что время, когда сформировался интерес к сохранению памятников, красноречиво характеризует эпоху и рассказывает об обществе больше, чем сами оберегаемые им артефакты.

Книга историков Екатерины Болтуновой и Галины Егоровой заявлена как одна из вариаций на эту тему. Авторы пытаются объяснить советскую культурную географию с помощью исторической памяти и описания государственных программ

заботы об историческом наследии. В центре внимания исследовательниц – возникновение в СССР городов-героев и туристического маршрута «Золотое кольцо России». Оправдывая выбор именно этих проектов, авторы пишут, что последние «оказали серьезное влияние на общественно-политическую жизнь в Советском Союзе в 1960–1980-е годы и во многом сформировали современное восприятие целого ряда категорий, связанных с культурным наследием и исторической памятью» (с. 7). Попробуем разобраться, что это за категории и о какого рода преемственности пишут авторы.

«Территория и история» состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений. Во введении дается краткий обзор истории проектов, обсуждается символический капитал целого ряда городов СССР, объединенных общим историческим прошлым. К сожалению, авторы ограничились кратким форматом введения, оставив за рамками столь необходимую для понимания концепции книги академическую дискуссию, которая бы объяснила архитектуру проекта, метод, структуру текста и четко сформулировала тезис. Первая глава повествует о городах-героях, вторая посвящена созданию «Золотого кольца России», а в третьей авторы сопоставляют эти проекты, описывая влияние туризма на их инфраструктуру. В четвертой главе речь идет о путешествиях царских особ по России в XIX веке и начале XX века. Завершает монографию краткое заключение и приложения в форме публикаций некоторых упоминаемых в основном тексте документов.

Идея взглянуть на то, как в позднесоветское время власть концептуализировала территорию СССР в целом и России в частности, присваивая те или иные символические значения, выглядит новаторской и интересной. До сих пор о символизме российских территорий речь заходила в контексте изучения характера власти: ученые обращали внимание на царские титулы и маркировку пространства на государственных и ведомственных картах (Wortman 2006; Seegel 2012). Болтунова и Егорова предлагают другой способ взглянуть на территории, хотя идея Уортмана о роли власти и государственной семантики в осмыслении территорий, на мой взгляд, заметно повлияла на характер их академического поиска. Авторы показывают, что хотя в XX веке власть в России радикально изменилась, конструирование географии страны по-прежнему происходило через апелляцию к историческому наследию и связанному с ним символизму территорий. Однако вместо царских маршрутов, ранее служивших источником для определения значимости того или иного российского региона, в советские годы индикатором престижа городов стали туристические направления.

По-видимому, желание продемонстрировать схожесть этой логики и легло в основу неочевидной на первый взгляд структуры книги, в которой три главы посвящены XX веку и одна – XIX веку. Авторы утверждают, что путешествия царских особ служили «предтечей» будущего советского маршрута по городам «Золотого кольца» (с. 272). Основанием для такого утверждения послужило совпадение городов и пунктов, посещенных российскими императорами (Александром III в 1881 и Николаем II в 1913 году), с составом будущего «Золотого кольца». На основе этого наблюдения авторы делают смелое предположение о преемственности в пространственных представлениях элит двух эпох. И те и другие, по их мнению,

считали северо-восток европейской части РСФСР (бывшее Владимиро-Суздальское княжество) «самой русской территорией».

На мой взгляд, проводимые Болтуновой и Егоровой параллели между имперским и советским проектами требуют значительно более пристального внимания по сравнению с тем местом, которое уделено этим сюжетам в книге. В противном случае совпадение маршрутов рискует оказаться историческим казусом, объяснимым не схожестью символической политики в России и СССР, а состоянием проезжих дорог, которые неслучайно острый на язык народ считает одной из двух национальных бед страны. Более того, на статус «самых русских» из всех российских территорий претендуют и другие регионы: например, Виктория Донован причисляла к ним Новгород, Псков и Вологду, считая, что именно эти города российского северо-запада в позднесоветские годы ассоциировались с «русскими территориями» и русским национализмом (Dovan 2019).

Впрочем, сюжет с царями играет в книге второстепенную роль. Главной темой является история и становление проектов «Города-герои» и «Золотое кольцо России». Современные россияне, скорее всего, интуитивно согласятся с выбором авторами именно этих туристических маршрутов как образцовых, репрезентирующих время и пространство СССР 1960–1980-х годов. Однако если бы об объектах культурного наследия спросили жителей Советского Союза из 1970-х годов, они бы, вероятно, сильно удивились отсутствию в списке «наследия» «ленинских мест» – городов, связанных с жизнью и деятельностью Владимира Ленина. Соединенные туристическими маршрутами Ульяновск, Казань, Москва, Ленинград и Псков были не менее популярны, чем города-герои или города «Золотого кольца». Было ли связано исключение из списка исследуемых маршрута «ленинских мест» с тем, что его разработкой занимались другие советские ведомства, нежели те, что создавали планы развития «городов-героев» и городов «Золотого кольца»? Или же речь идет об авторской интерпретации понятия «наследие», отличной от того, что предлагал ВООПИиК? В любом случае, пояснение такого рода помогло бы читателю лучше понять авторскую концепцию. Без упоминания «ленинских мест» может сложиться впечатление, что революционное наследие СССР осталось на задворках истории не в 1990-е, а уже в 1960-е и 1970-е годы – akurat в канун празднования 50-летия Октябрьской революции (1967) и столетия со дня рождения «вождя мирового пролетариата», в честь которого ЮНЕСКО объявило 1970 год годом Ленина.

В то же время сравнение проектов «Города-герои» и «Золотое кольцо России», которому посвящена третья глава, – несомненное новаторство авторов монографии и удачный исследовательский прием. Болтунова и Егорова обращают внимание читателей на то, что оба проекта были созданы по инициативе государства приблизительно в одно и то же время в конце 1960-х годов, и связывают их с развитием массового туризма в СССР. Другими словами, создание городских территориальных общностей на основе исторического наследия выглядело признаком современного государства, заинтересованного в развитии культурного потребления у населения, а также втянувшегося в процесс инструментализации прошлого и зарабатывания на нем средств. Как показали авторы, интерес к истории и памя-

ти в 1960-е годы был присущ не только странам капиталистического блока. Советский Союз тоже переживал общественный всплеск интереса к истории страны во многом под влиянием тех же факторов, что и капиталистические страны, – в связи с ростом мобильности населения и урбанизацией (Nora 1989).

Хотя вопросы развития туризма присутствуют на протяжении всего текста монографии, потенциал этого сюжета для осмысления обсуждаемых в книге мегапроектов, на мой взгляд, не был до конца раскрыт. С одной стороны, Болтунова и Егорова пишут о том, что именно иностранные туристы должны были стать основными посетителями городов-памятников, особенно в 1960-е годы. С другой стороны, возникновение проектов они напрямую не связывают с туризмом, существовавшим и до 1960-х годов. По мнению авторов, присваивая определенным городам звание «город-герой» и объединяя региональные центры в «Золотое кольцо», государство удовлетворяло потребности советского общества в культивировании национальной гордости и исторического единения с российской древностью. Другими словами, проекты возникли в ответ на запрос общества, хотя и не удовлетворили его в полной мере. Как пишут авторы, включение в списки избранных городов всегда было объектом торга национальных, республиканских, региональных, а также городских элит и не отражало истинных чаяний населения. Ни кровопролитность боев и массовость смертей в годы Великой Отечественной войны, ни красоты средневековой архитектуры не стали главным условием при раздаче городам государственных символических привилегий.

Убежденность авторов в существовании общественного запроса на государственную память о войне или дореволюционную историю, на мой взгляд, является наиболее уязвимой частью авторской концепции. Впрочем, претензии выдвигать тут стоит не к авторам, а к теоретикам *memory studies*, на которых они опираются. Последние способны объяснить любые изменения в обществе и государстве существованием коллективных представлений и работой с прошлым, забывая о прагматике решений, состоянии инфраструктуры. Например, тот факт, что люди охотно посещали экскурсии и ездили по туристическим путевкам, лишь косвенно доказывает, что они делали это из любви к советской истории или имея внутреннюю потребность. Как показывает в своем исследовании Диана Георгеску, рассказывая об экскурсионной работе в социалистической Румынии, участники детских экспедиций направлялись «в поле», чтобы получить удовольствие от общения со сверстниками и пережить приключение, а не потому, что они были убежденными последователями социалистической идеологии или любителями истории (Georgescu 2019).

Более того, существовавшие в локальных сообществах коммеморативные практики – преимущественно крестьянские, религиозные и семейные – прекрасно справлялись с внешними вызовами. Люди и без указки государственных властей знали, как осмысливать смерти погибших на войне, и зачем помнить о прошлом. Вероятно, поэтому жители провинциальных городов не разделяли модернизационного пыла властей, развивавших туризм, и называли туристов бездельниками (с. 232), а на ценность архитектурных памятников указывали не краеведы или местные жители, приспособившие их под хозяйственные нужды, а слу-

чайно оказавшиеся в провинции столичные профессора (с. 120). Другими словами, хотя в советском обществе 1960-х годов и сформировались отдельные группы ценителей истории из числа столичной академической интеллигенции (о чем авторы подробно пишут, привлекая ценные свидетельства из переписок ее представителей), все же главным актором, заинтересованным в культивировании памяти о прошлом в виде туристических маршрутов и громоздких монументов, в 1960–1980-е годы выступало государство в лице номенклатурной элиты и обслуживавших ее чиновников. По этой причине обсуждение вопросов, связанных с присвоением того или иного статуса городу, происходило в обкомах и министерских кабинетах, а не на сходах трудовых коллективов.

Из этой перспективы государственные инициативы по созданию «исторических городов» предстают не как провальный проект социальной памяти населения, воплотившийся в произвольном наборе мест и городов, а как признак современного мышления советских идеологов, стремившихся пересобрать советские территории на иных принципах и в рамках нового глобального порядка. Тем более что советских территорий после войны стало больше. Развитие городского туризма и создание туристических маршрутов, связанных с прошлым страны, стали инструментом культурного инжиниринга и способом предложить советским гражданам новые представления о «своей территории». В этом смысле, рассказывая разные истории мест, «Города-герои» и «Золотое кольцо» не противоречили друг другу, а наоборот, дополняли и подтверждали государственный нарратив, призванный воспитать из туриста – вчерашнего колхозника – культурного советского горожанина.

Как бы то ни было, мои замечания ни в коей мере не отменяют основного вывода работы Болтуновой и Егоровой. Включение российского исторического наследия в арсенал идеологического воспитания советского населения стало отличительной чертой культурной политики СССР 1960–1980-х годов и способом осмысления советской территории.

Сосредоточившись в рецензии в первую очередь на анализе концепции книги, я незаслуженно обошла вниманием множество частных, но, безусловно, достойных обсуждения авторских наблюдений. Среди них, например, важный вывод об избирательности советской мемориальной политики, посвященной войне, и использовании дискурса о военном героизме в качестве ресурса для урегулирования национальных отношений внутри СССР. Также заслуживает внимания интересное наблюдение авторов о росте локального престижа места в связи со съемками там советских кинофильмов. Увлекательно было читать и о существовании советской туристической деревни под городом Суздаль, с высокими ценами на проживание в отелях и развитой индустрией производства сувениров. Иными словами, монография, несомненно, заслуживает внимания всех, кто интересуется поздним социализмом, регионоведением и вопросами развития истории советского туризма. Обилие материалов из региональных архивов качественно выделяет «Территорию и историю» среди работ, написанных на основе документов из столиц, а множество любопытных деталей и точных наблюдений украшают повествование и делают чтение не только полезным, но и занимательным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Deschepper, Julie. 2019. "Between Future and Eternity: A Soviet Conception of Heritage." *International Journal of Heritage Studies* 25(5):491–506. <https://doi.org/10.1080/13527258.2018.1467949>.
- Donovan, Victoria. 2019. *Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Georgescu, Diana. 2019. "Small Comrades as Historians and Ethnographers: Performativity, Agency, and the Socialist Pedagogy of Citizenship in Ceaușescu's Romania, 1969–1989." *Slavic Review* 78(1):74–102. <https://doi.org/10.1017/SLR.2019.9>.
- Golubev, Alexey. 2021. *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Kelly, Catriona. 2016. *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Nora, Pierre. 1989. "Between Memory and History: *Les Lieux de Mémoire*." *Representations* 26:7–24. <https://doi.org/10.2307/2928520>.
- Seegel, Steven. 2012. *Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire*. Chicago: University of Chicago Press.
- Wortman, Richard S. 2006. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*. Princeton, NJ: Princeton University Press.